

С. В. Гаврилов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В. И. СЕМЕВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Глобальные социальные и политические преобразования, происшедшие после Октябрьской революции 1917 г., породили не только новый политический строй в России, но и создали совершенно особую социокультурную ситуацию, в которой предстояло развиваться отечественной историографии. Именно революционные события 1917 г. повлекли за собой отказ, во всяком случае на время, от предшествующей историографической традиции и явились первопричиной рождения новой советской историографии, базирующейся на марксистской методологии истории.

Изучение исторических воззрений В. И. Семевского в советской историографии 1920-х гг. прочно связано с осознанием необходимости выработки марксистского подхода к истории русского освободительного движения, позиционируемого как движение социалистическое в своей основе. Особенность становления советской историографии на данном этапе может быть связана еще и с потребностью в историческом обосновании закономерного характера Октябрьской революции. Не секрет, что основное внимание исследователей, среди которых находилось очень немного профессиональных историков-марксистов, было сфокусировано на узкой номенклатуре тем, в число которых входили история партии, рабочего класса, революционного и общественного движения в России, история классовой борьбы и ряд других близких по духу проблем. Несмотря на то, что большая часть исторических изысканий первого постреволюционного десятилетия связана с историей освободительного движения второй половины XIX — начала XX в., ученые не обошли стороной и первую половину XIX в.

Исследование истории общественного и революционного движения, к которому было объективно отнесено движение декабристов, началось в первые послереволюционные годы и велось в самых разнообразных формах: публикация документов, написание популярных брошюр и празднование различных революционных юбилеев, в том числе столетней годовщины восстания декабристов, отмеченной в 1925 г. Одним из первых к творчеству В. И. Семевского обратился П. Парадизов, с позиций марксизма проанализировавший воззрения историка-народника на эволюцию политических и общественных идей декабристов [см.: Парадизов, 1928]. Исторические взгляды В. И. Семевского нашли отражение и в очерках В. И. Пичеты, В. И. Невского, М. В. Нечкиной. Их работы испытали на себе существенное влияние воззрений М. Н. Покровского, родоначальника марксистской методологии истории и историографии.

---

* Публикуется в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 05-01-85123 а/у.

В одной из своих лекций («Как и кем писалась русская история до марксистов»), прочитанной слушателям Института красной профессуры, М. Н. Покровский отмечал, что демократизм, хотя и «элементарный, упрощенный», выгодно отличает В. И. Семевского от буржуазных подделывателей истории» [Покровский, 1933, 116]. Эти слова отмечены гипертрофированным классовым подходом в оценке направлений и течений, существовавших в дореволюционной отечественной историографии. В его основе лежит безусловно талантливая, но в то же время абсолютно бесцеремонная манера критиковать своих предшественников. С чем нельзя согласиться, так это с его характеристикой монографии В. И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» как обширного введения к истории Пугачевского бунта [см.: Там же, 115], хотя историк в планируемом третьем томе и рассчитывал остановиться на изучении восстания Е. И. Пугачева. Неточным является высказывание М. Н. Покровского и о том, что В. И. Семевский «занимался вопросами, бойкотировавшимися казенными историками» [Там же]. В исследовании истории крестьянства и истории декабризма В. И. Семевский не был абсолютным первооткрывателем. Но именно ему принадлежат наиболее монументальные, скрупулезные, основанные на обширнейшем массиве исторических источников произведения. Наша историческая наука «обязана» М. Н. Покровскому однобокой оценкой трудов В. И. Семевского как «справочников — не более» и «симпатий и антипатий» как главного критерия оценки исследователем-народником общественных движений [Там же, 115—116]. В настоящее время классовый подход М. Н. Покровского в оценке движения декабристов не разделяется большинством российских исследователей.

В контексте истории классовой борьбы в России выполнена и статья С. Пионтковского «Историография крестьянских войн в России», где впервые получил освещение крестьянский вопрос в творчестве В. И. Семевского [см.: Пионтковский, 1933, 93—94]. Не останавливаясь детально на традиционном для советской историографии этого периода упреке историков в том, чего они не написали, обратим внимание на концептуальную составляющую оценки С. Пионтковским исторических взглядов В. И. Семевского. И здесь мы обнаружим бросающееся в глаза противоречие. С одной стороны, исследователь отмечает признание В. И. Семевским огромной роли «революционного крестьянского движения», а с другой — отмечает в своем резюме, что «этот историк крестьянства своими многотомными трудами доказывает ненужность крестьянской борьбы» [Там же, 94]. По мнению ученого, В. И. Семевский «центральной проблемой своего исследования о крестьянском вопросе в России делает историю развития идеи о крестьянском раскрепощении среди дворянства и мелкой буржуазии» [Там же, 95]. Взгляды В. И. Семевского по крестьянскому вопросу анализируются в рамках теории «закрепощения сословий», развиваемой представителями государственно-правовой школы в дореволюционной отечественной историографии. Критически оценивая воззрения С. Пионтковского, нельзя не отметить, что им, на наш взгляд, верно обозначена роль интеллигенции как информационного посредника в разрешении крестьянского вопроса.

Советская историография второй половины 1930-х — первой половины 1950-х гг. обращается к изучению научного наследия В. И. Семевского довольно редко. В первую очередь это было связано с выдвижением в середине 30-х гг. тезиса о враждебности народничества марксизму. Согласно данному положению либеральные народники, в том числе и В. И. Семевский, были отнесены к категории «фальшивых друзей народа», которые пропагандировали на деле «примирение с царским правительством» [Зверев, 1997, 20]. Эти постулаты оказались живучими и на более поздних этапах развития советской историографии.

Большая часть исследовательской практики в это время связана с выискиванием ошибочных положений в творчестве В. И. Семевского. Из историографических изысканий этого периода необходимо выделить первый в советской исторической науке цельный курс лекций по русской историографии Н. Л. Рубинштейна, в котором нашла наиболее целостное выражение оценка народнической историографии [см.: Рубинштейн, 1941]. По мнению исследователя, уже в самой трактовке поднятых В. И. Семевским тем «наглядно отразились все методологические особенности народнической историографии» [Там же, 406]. В первой двухтомной монографии В. И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» «весь вопрос рассматривается в двух определенных разрезах — это изучение крестьянского быта и юридического быта крестьян в правительственном законодательстве». История крестьянства как целого у В. И. Семевского не представлена [см.: Там же]. Крестьянский вопрос, по мнению Н. Л. Рубинштейна, у В. И. Семевского фактически оказывается оторванным «от общего социально-экономического развития России в XVIII в. А это не дает ему возможности объяснить изменения, происходящие в помещичьем хозяйстве, в частности изменение соотношения барщины и оброка [Там же, 407]. «Крестьянский вопрос оказывался идеологической проблемой, развивающейся своим самостоятельным ходом... Сменяющиеся высказывания и проекты он рассматривает с точки зрения отражения какой-то абстрактной идеи освобождения» [Там же, 408]. Это замечание по отношению к методологическим конструктам историка является совершенно справедливым. На аналогичные недоработки исследователю указывал еще В. О. Ключевский в своем отзыве на докторскую диссертацию В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» в 1888 г.

«История общественного движения превращается у Семевского в историю общественных идей. При этом развитие идей рассматривается... как поступательное развитие политической идеи либерализма, которая сама собой растет и распространяется в обществе». Н. Л. Рубинштейн в полной мере относит эти положения и к истории декабризма, петрашевцев и Кирилло-Мефодиевского братства [Там же, 408—409]. Данный тезис в определенной мере является спорным, по крайней мере в той его части, где речь идет о развитии политической идеи либерализма. В. И. Семевский выступал за глубокие и последовательные реформы в различных сферах общественной жизни России, но относить его к сторонникам либерализма вряд ли допустимо в контексте анализа его мировоззренческой парадигмы. В настоящее время приоритет, отдаваемый Н. Л. Рубинштейном материалисти-

ческой трактовке исторического процесса в рамках марксистской методологии исторического процесса, также далеко не однозначен.

Новый этап в изучении научного наследия историка-народника начинается в середине 50-х гг. с исследований С. И. Волкова, который начал систематическую разработку фонда В. И. Семевского (фонд 489) архива АН СССР и на его основе опубликовал первую краткую научную биографию историка [Волков, 1959а, 113—122; 1959б, 251—256]. Исследователь тщательно описал структуру фонда и акцентировал внимание на гносеологических особенностях различных его составляющих. Хочется согласиться с замечанием С. И. Волкова о том, что материалы архивного фонда В. И. Семевского достаточно редко используются современными историками, несмотря на то, что содержат богатейший материал по истории крестьянства и общественного движения в России XVIII — первой половине XIX в., а также эпистолярное наследие В. И. Семевского. В статье С. И. Волкова содержались новые ценные сведения о научном творчестве В. И. Семевского. Ученый в меньшей степени останавливался на характеристике научных взглядов историка, отметив, что это является темой специального исследования [Волков, 1959а, 114]. В настоящее время сложно согласиться с определением суждений В. И. Семевского, высказанных во введении к «Крестьянам в царствовании императрицы Екатерины II», как признания неизбежности революции [см.: Там же, 115]. Применительно к характеристике второго крупного монографического исследования В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века» мы в целом солидарны с мнением С. И. Волкова. Действительно, в значительной степени «эволюция крестьянского вопроса рассматривается В. И. Семевским изолированно от социально-экономического развития страны» [Там же, 118]. Справедливости ради отметим, что историк и не ставил перед собой такой задачи.

При характеристике изданного в 1909 г. большого труда В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» исследователь верно обозначил противоречивость концепции данного изыскания. По мнению С. И. Волкова, «с одной стороны, исследователь, в общем, сочувственно относится к восстанию, дает высокую оценку П. И. Пестелю, которого он считает “выдающейся личностью”, глубоко и тщательно изучая идеологию декабризма, правильно ставит вопрос о взглядах декабристов на крестьянский вопрос. С другой стороны, исследование взглядов декабристов он ведет в отрыве от социально-экономических условий России. Преобразовательные планы декабристов он преемственно связывает с реформистскими замыслами царского правительства, не усматривая между ними никакой разницы» [Там же, 119]. Последнее утверждение историка, имеющее в целом скептическую эмоциональную окраску, в настоящее время может восприниматься и без таковой. Кроме того, следует отметить, что подобная оценка имеет не вполне самостоятельное значение, а отчасти заимствована из работы М. В. Нечкиной, признанного советского декабристоведца [см.: Нечкина, 1955а, 30—31]. Это замечание отнюдь не нужно воспринимать как указание на недостаток работы, а скорее как констатацию реальных историко-культурных условий, в которых проходило научное творчество историка.

Автору научной биографии блестяще удалось продемонстрировать единство научного творчества В. И. Семевского и его насыщенной общественно-политической деятельности [см.: Нечкина, 1955а, 120—121]. К сожалению, в связи с преждевременной кончиной историка, задумавшего написать монографию о В. И. Семевском, этот труд так и остался на начальной стадии разработки.

В середине 50-х гг. XX в. отдельные материалы архивного фонда В. И. Семевского были задействованы при выполнении крупных монографических исследований М. В. Нечкиной [1955б] и Н. Л. Рубинштейна [1957]. Суждение М. В. Нечкиной о «Политических и общественных идеях декабристов» В. И. Семевского (1909) — пример классического восприятия в советской историографии народнической историографии в целом. «Вся концепция В. И. Семевского насквозь идеалистична; критерий его оценок субъективен... — провозглашает М. В. Нечкина. — Его народнический субъективизм сказывается в пронизывающем монографию положении о выдающихся личностях, двигающих историю при непробудно спящих массах» [Нечкина, 1955а, 31]. Вместе с тем историк справедливо отмечает, что «работы В. И. Семевского, посвященные декабристам, сыграли значительную роль в дореволюционной историографии и возбудили интерес к декабристам у многих читателей» [Там же].

Советская историографическая традиция в освещении народнической историографии в целом и научного наследия В. И. Семевского в частности наглядно проявляется в двух плоскостях: в рамках создания многотомного обобщающего труда по истории исторической науки в СССР и курсов лекций по историографии истории СССР [см. об этом: Станиславская, 1960, 207—217; Шапиро, 1962, 142—150; Астахов, 1965, 524—529].

Первоочередное внимание в издаваемых в этот период специализированных курсах лекций по русской историографии исследователи уделяют тому влиянию, которое оказали на формирование молодого историка «Исторические письма» П. Л. Лаврова, социологическая публицистика Н. К. Михайловского и демократические идеи А. П. Щапова [см.: Астахов, 1965, 525; Шапиро, 1962, 142].

К числу заслуг В. И. Семевского перед исторической наукой ученые относят в первую очередь использование огромного количества архивных материалов при написании трудов по истории крестьян. По мнению А. Л. Шапиро, с которым в основе своей можно согласиться, «историки и сейчас черпают сведения о помещичьем землевладении, о численности и движении крестьянского населения, о положении крестьян, о положении дворовых и о многом другом» из первого тома «Крестьян в царствование императрицы Екатерины II». Многие цифры и факты, касающиеся помещичьих крестьян, заимствуются из труда В. И. Семевского без изменений и уточнений [Шапиро, 1962, 144]. И лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в советской историографии было несколько изменено соотношение оброка и барщины и динамика роста оброка в трудах Н. Л. Рубинштейна и Л. В. Милова [см. об этом: Шапиро, 1962]. Очень симптоматичен и тот факт, что впервые в советской историографии за столь длительный период ее существования была предпринята попытка преодоления однозначно критического отношения к док-

торской диссертации В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Впрочем, следует заметить, что этот критицизм берет свое начало еще в изысканиях историков дооктябрьского периода. А. Л. Шапиро отмечал, что «ни одна общая проблема хозяйственной жизни, классовых взаимоотношений, внутренней политики, общественной мысли и культуры второй половины XVIII и первой половины XIX в. не может быть глубоко изучена без учета борьбы, которая велась вокруг крестьянского вопроса» [Там же, 145]. Заслуга В. И. Семевского прежде всего в том, что он «первый осветил постановку крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе при Екатерине II... первый проследил, как отразился крестьянский вопрос в русской публицистике, обнаружил немало ранее неизвестных документов, характеризующих позиции правительства... разобрал... взгляды представителей русской революционной мысли по крестьянскому вопросу», считает известный ленинградский историк [Шапиро, 1962]. В определенной мере ученый идеализирует у В. И. Семевского «Рабочих на сибирских золотых промыслах», не замечая того обстоятельства, что весьма значительные фактические данные, приведенные автором при иллюстрации быта рабочих, имеют статичный характер. При характеристике «Политических и общественных идей декабристов» заметно влияние дореволюционной историографии, в особенности работ А. А. Кизеветтера и А. А. Корнилова в плане определенных фактографических заимствований [см.: Кизеветтер, 1917, 199—222; Корнилов, 1916, 282—301; 1917, 45—88]. Раскрывая безусловные достоинства научного творчества В. И. Семевского, А. Л. Шапиро не обходит своим вниманием и существенные недостатки его научных работ, во многом отдавая дань эпохе. Во-первых, историк весьма критично относится к идеализации В. И. Семевским крестьянской «мирской» общины и «общинного духа». Во-вторых, ленинградский ученый считает явно преувеличенной роль иностранных заимствований в развитии политических и общественных идей в России в трудах В. И. Семевского. В-третьих, историк критически относится к субъективному методу в социологии, сторонником которого являлся В. И. Семевский. В качестве аргументации им вполне обоснованно использована та оценка, которую дал В. О. Ключевский докторской диссертации В. И. Семевского [см.: Шапиро, 1962, 147—149]. В. И. Семевский оценивал идеи и события с точки зрения сегодняшнего дня, не видя их исторической перспективы. «Идеи подразделяются у него на симпатичные и несимпатичные, причем критерием оценки служили народнические идеалы второй половины XIX — начала XX вв.» [Там же, 148]. И, наконец, в-четвертых, А. Л. Шапиро останавливается на том влиянии, которое оказали на научное творчество В. И. Семевского его психофизиологические черты (особенности), а именно отсутствие склонности к обобщениям и «даже к строгой систематизации и классификации материала» [Там же, 149]. На наш взгляд, последнее указание имеет несколько преувеличенные размеры. Спорным является также утверждение А. Л. Шапиро о том, что в творчестве В. И. Семевского «ярко проявился демократизм крестьян, боровшихся против помещичьих латифундий» [Там же, 150].

В нашем исследовании мы вполне сознательно так подробно остановились на том историографическом анализе, который был продемонстрирован в курсе лекций А. Л. Шапиро. Дело в том, что данный подход, сформулированный в рамках советской историографии, оказал существенное воздействие на те концептуальные положения, каковые обнаружатся в творчестве ленинградской школы историков, занимавшихся изучением народнической историографии в 60-е — начале 80-х гг. XX в.

Применительно к анализу творчества В. И. Семевского, сформулированному в курсе лекций В. И. Астахова и отчасти учебнике В. Е. Иллерицкого, мы сталкиваемся с влиянием более догматизированного подхода, определившегося в советской историографии еще в 1930-е — первой половине 1950-х гг. Эта оценка определяется позицией В. И. Ленина по отношению к самому народничеству и народнической идеологии. Она обуславливает и сугубо критический подход к характеристике творческого наследия историка-народника. Речь идет прежде всего о том, что В. И. Семевский «не поднялся до признания решающего значения классовой борьбы крестьянских масс», «не понимал подлинной закономерности исторического развития», «всячески идеализировал мирскую общину» и т. п. [см.: Астахов, 1965, 527—529]. И вообще «черты субъективно-идеалистической ограниченности характерны и для работ Семевского по истории рабочих Сибири, общественному движению в России» [Там же, 529]. Отчасти не соответствуют действительности и утверждения В. И. Астахова о том, что в работе «Крестьяне в царствование Екатерины II» впервые «был обобщен, хотя и с либерально-народнических позиций, материал, освещавший мощный размах крестьянских волнений в 60-х — начале 70-х гг. XVIII в., обращено внимание на зависимость правительственного законодательства от волнений» [Там же, 527]. Во-первых, не представляется возможным говорить о наличии в это время «мощных» социальных движений, сравнимых с пугачевщиной. Во-вторых, позиция, заявленная В. И. Семевским во введении к данной работе, достаточно радикальна для своего времени, хотя автор вполне естественно не призывает к каким-либо революционным способам решения крестьянского вопроса.

Иногда мы можем напрямую столкнуться и с прямым передергиванием фактов, отраженных в исследованиях В. И. Семевского. Это в первую очередь относится к указанию В. И. Астахова на «либерально-народнические заблуждения» В. И. Семевского, которые определили «идеализацию носителей самодержавной власти», а именно Екатерины II как «инициатора» борьбы за раскрепощение крестьян. В работах же В. И. Семевского говорится о взглядах императрицы на крестьянский вопрос в Наказе и ряде других материалов, приводимых историком. И лишь небольшие, можно сказать микроскопические, вкрапления позитивных оценок, как правило имеющие отношение к характеристике обширной источниковой базы, использованной историком-народником, отличают данный курс лекций.

Примерно в этом же ключе рассматривается научное творчество В. И. Семевского в «Историографии истории СССР» под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, где в основе анализа лежит утверждение о противоречивом ха-

рактуре творчества историка. И главное из этих противоречий — это противоречие между «новой тематикой и старыми буржуазными принципами, положенными в основу ее разработки». Краеугольным камнем этого противоречия является непонимание «действительных закономерностей социально-экономического развития России» [Историография истории СССР, 1971].

В отличие от изыскания В. И. Астахова аргументация данного исследования более глубока, насколько это возможно для курса лекций. По мнению В. Е. Иллерицкого, являвшегося автором главы о народнической историографии, В. И. Семевский «преувеличивал значение отличий в правовом положении различных категорий крестьян» и придавал решающее значение «изменению правового положения крестьян в результате правительственного законодательства» [Там же, 291]. «Либерально-народнические иллюзии о роли государства и внеклассового общественного мнения в историческом развитии получили отражение, с точки зрения В. Е. Иллерицкого, и в таких исследованиях В. И. Семевского, как «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» и «Рабочие на сибирских золотых промыслах» [Там же, 292—293]. Предложения же историка о необходимости использования правового инструментария для улучшения быта рабочих на сибирских золотых промыслах однозначно воспринимаются как проявления либерально-народнических установок.

Позиция советского исследователя более благожелательна применительно к определению вклада В. И. Семевского в изучение истории петрашевцев, Кирилло-Мефодиевского братства и особенно идеологии декабристов, где Василий Иванович стал практически пионером. Но и «Политические и общественные идеи декабристов» имеют весьма существенные недостатки. Они сводятся к тому, что «эволюцию воззрений декабристов Семевский представил как саморазвитие идей, оторванных от реальных общественных условий и классовой борьбы в России первой четверти XIX в. Он рассматривал декабризм как движение «внеклассовой» интеллигенции, зародившееся на почве недовольства существовавшим в России политическим и общественным строем» [Там же, 293].

По мнению советских исследователей данного периода, «разработка ряда новых проблем и привлечение обширного и ценного в научном отношении фактического материала не оградили народнических историков от воздействия теоретических принципов буржуазной историографии» [Там же, 294]. Эта характеристика в первую очередь относилась к научному наследию крупнейшего профессионального историка-народника В. И. Семевского. Именно на данном этапе развития исторической науки в 1960-е — начале 1970-х гг. в рамках советской историографии окончательно оформляется официальная характеристика исследований В. И. Семевского.

С начала 70-х гг. предпринимаются первые целенаправленные попытки изучения научного творчества В. И. Семевского не только на уровне общих обзоров в учебных пособиях или курсах лекций. Речь идет о появлении ряда разноуровневых научных статей, в которых находит отражение общественно-политическая деятельность историка, отдельные странички его биографии и некоторые узкие

проблемы научных исследований [см., например: Критский, 1969, 165—168; 1970, 103—107; 1972; Марголис, 1983, 196—209; Невелев, 1975, 232—257]. Именно в это время была предпринята первая и единственная попытка диссертационного исследования исторических взглядов В. И. Семевского ленинградским историком Ю. М. Критским. Несмотря на то, что многие теоретико-методологические положения его кандидатской диссертации в настоящее время не выдерживают никакой критики, исследователем был собран достаточно обширный фактический материал, имеющий отношение к научной биографии В. И. Семевского.

В двух небольших статьях, опубликованных в период, непосредственно предшествовавший защите диссертации, нашли отражение отдельные фактические вопросы научной биографии В. И. Семевского, и в первую очередь связь В. И. Семевского с Петербургским университетом и специфика его взаимоотношения с цензурными ведомствами [см. об этом: Критский, 1969, 165—168; 1970, 103—107]. Проблема увольнения историка из Петербургского университета представлена крайне односторонне. Официальная позиция на увольнение даже не упомянута, несмотря на имеющиеся в распоряжении исследователя работы С. Г. Сватикова [1916, 233—235; 1917, 48—50]. Также весьма ангажированы исследователем и взаимоотношения В. И. Семевского со своим научным руководителем К. Н. Бестужевым-Рюминым как однозначно неприязненные [см.: Критский, 1969, 165—166]. В фарватере советской историографической традиции достаточно большое внимание уделено и эпизодическим контактам В. И. Семевского с отдельными организациями социал-демократического характера, например членами группы Д. Благоева [см.: Там же, 165—167]. Отмечая использование обширного архивного материала для иллюстрации взаимоотношений В. И. Семевского с различными цензурными ведомствами, нельзя полностью согласиться с теми выводами, которые сделал ленинградский исследователь. Речь идет о совершенном игнорировании психофизиологического фактора в творчестве историка, на который неоднократно обращали внимание его современники. Последний вывод исследователя о том, «что главной причиной отсутствия в работах В. И. Семевского широких обобщающих выводов была ограниченность субъективистской социологии», фактически ставит под сомнение целесообразность написания научной статьи как таковой [см.: Критский, 1970, 107].

И все же в рамках нашего историографического раздела мы вполне правомерно должны уделить большое внимание основному исследованию Ю. М. Критского, в котором представлен анализ научного творчества В. И. Семевского. Исследователем в разной степени был задействован широкий комплекс исторических источников, в структуру которого вошли опубликованные и хранимые в архивах работы В. И. Семевского, архивные материалы, сосредоточенные в фондах В. И. Семевского, а также материалы периодической печати и отдельные произведения мемуарной литературы, содержащие информацию об историке. Это, безусловно, является значительным достоинством научного исследования Ю. М. Критского. Вместе с тем необходимо отметить, что многие теоретические положения его изыскания в настоящее время не выдерживают серьезной критики. В первую

очередь речь идет о сформулированной исследователем в качестве задачи необходимости «определения места, занимаемого В. И. Семевским в классовой борьбе в исторической науке конца XIX — начале XX в.» [Критский, 1971, 1]. Единственным аргументом в оправдание ученого можно считать то обстоятельство, что он не мог работать, игнорируя советскую историографическую традицию, заложенную еще М. Н. Покровским в его ранних работах. Классовый подход к изучению исторических взглядов В. И. Семевского предопределил и другие ошибки теоретико-методологического свойства, которые могут быть отмечены в диссертационном исследовании Ю. М. Критского. В частности, это касается его утверждения о том, что «сочинения В. И. Семевского становятся объектом классовой борьбы в историографии» [Там же, 2].

Отмечая достаточно высокую степень полноты историографического обзора Ю. М. Критского, мы не можем согласиться с утверждением историка о том, что в 1880 — 1890-х гг. историки обращались к творчеству В. И. Семевского в основном в плане использования, а не анализа его трудов. Наиболее наглядным примером именно анализа работ В. И. Семевского является отзыв на докторскую диссертацию исследователя, представленный В. О. Ключевским [Ключевский, 1990, 271—276]. Нельзя быть полностью солидарным и с мнением историка о «восстановлении в правах» научного наследия В. И. Семевского в 60-е гг. особенно в учебной литературе, принимая во внимание сохранение острых критических оценок его научного творчества [см., например: Станиславская, 1960, 207—217; Астахов, 1965, 524—529; Историография истории СССР, 1971, 291—294].

Подвергая исследовательскому анализу методологию истории В. И. Семевского, Ю. М. Критский в целом адекватно воспроизводит константность основных позитивистских формулировок историка. В то же время нельзя не заметить и отчетливой модернизации теоретико-методологических установок В. И. Семевского. Это явление четко проявилось прежде всего в стремлении представить историка сторонником «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве [Критский, 1971, 6]. В отношении признания В. И. Семевским приоритета социальных реформ над политическими следует констатировать, что с данным утверждением мы столкнемся еще в программной статье исследователя «Не пора ли написать историю крестьян в России?», опубликованной в 1881 г. в журнале «Русская мысль» [см.: Семевский, 1881, 216, 218]. А рубеж 70-х — 80-х гг. XIX в. — это еще не период существования позднего народничества, утверждает Ю. М. Критский. В оценке историком классификации В. И. Семевским общественных идей на «симпатичные» и «несимпатичные» видно прямое влияние ленинградской историографической школы, представленной в начале 60-х гг. XX в. в общем курсе историографии под редакцией А. Л. Шапиро [см.: Шапиро, 1962, 147—149].

Как уже было отмечено выше, характеристика методологических особенностей научных изысканий В. И. Семевского представлена исключительно сквозь призму классового подхода. Ю. М. Критский буквально во всем пытается усмотреть именно «классовые основы» исторических идей исследователя. Ученый хро-

нологически верно проследил процесс работы В. И. Семевского при изучении истории крестьянства. Нельзя отказать автору и в выделении отдельных заслуг историка-народника, например, в изучении соотношения барщины и оброка в помещичьих имениях. Вместе с тем, указывая на то, что главным критерием истины для В. И. Семевского была полнота собранных исторических источников, Ю. М. Критский совершенно забывает уточнить, что аналогичные заключения можно сделать и по отношению к Л. фон Ранке, Р. Мауреру и другим западно-европейским историкам, использовавшим аналогичную позитивистскую методику.

Ю. М. Критский был солидарен с другими советскими исследователями в том, что В. И. Семевский недооценивал роль классовой борьбы крестьянства. Но одновременно попытался объяснить данный недостаток в «Крестьянах в царствовании императрицы Екатерины II» отсутствием третьего тома, где предполагалось уделить значительное внимание истории пугачевщины [Критский, 1971, 9—10]. А те отрывочные сведения о крестьянской войне, которые дает В. И. Семевский, безусловно, говорят о ее антидворянской направленности.

Характеристика истории рабочих на сибирских золотых промыслах во многом носит иллюстративный характер, сводимый к описанию их тяжелого материального положения и правовой незащищенности. И опять же речь идет, как и в отношении крестьян, о недооценке историком различных форм классовой борьбы. Вызывает определенное недоумение пассаж Ю. М. Критского о том, что «анализ работ В. И. Семевского по истории Сибири и сибирских золотых промыслов является задачей специалистов соответствующих отраслей науки» [Там же, 11]. Но общедемократическая направленность третьей двухтомной монографии В. И. Семевского обозначена четко и справедливо.

«Работы В. И. Семевского, его статьи и монографии по истории русской общественной мысли и революционного движения не лишены противоречия между демократической основой взглядов и присущими ему чертами либеральных чаяний позднего народничества», — считает ленинградский историк [Там же, 16]. Хотя непонятно, что же собой представляют последние.

В. И. Семевский внес значительный вклад не только в сбор и систематизацию огромного фактического материала по истории русского общественного движения, но и в развитие его источниковедения. Хотя, наверное, было бы контрпродуктивно представлять источниковедческую составляющую «Политических и общественных идей декабристов» как стремление к разоблачению самодержавия [см.: Там же].

Несомненным достоинством диссертационного исследования Ю. М. Критского является констатация в творчестве В. И. Семевского, кроме генерализующей темы формирования антикрепостнической и социалистической мысли в России, еще и других проблем: народа и государства, России и Запада, реформы и революции [см.: Там же]. Что касается персонифицированной оценки в творчестве В. И. Семевского деятелей общественного движения в России первой половины XIX в., то здесь с выводами Ю. М. Критского согласиться никак нельзя. В. И. Семевский никогда не задавался целью выступать против буржуазной историографии, а ско-

рее пытался показать роль и место различных деятелей общественного движения с точки зрения своего народнического мировоззрения.

В последней главе диссертации Ю. М. Критский останавливается на рассмотрении деятельности В. И. Семевского на посту редактора журнала «Голос минувшего» и освещении журналом вопросов русской истории. Хотя логичнее было бы говорить о В. И. Семевском как соредакторе журнала, так как первую скрипку в нем абсолютно очевидно играл С. П. Мельгунов. Нет серьезных оснований противопоставлять, как это делает Ю. М. Критский, демократические традиции в историографии, представленные в журнале в лице В. И. Семевского, буржуазно-либеральным, носителем которых являлся С. П. Мельгунов. Они скорее были единомышленниками, чем оппонентами. И уж тем более нельзя упрекнуть редакцию журнала в непоследовательности. Правильнее было бы говорить о том, что редакция давала возможность авторам различной политической ориентации излагать свои исторические воззрения на страницах журнала. В настоящее время резко идеологизированная позиция Ю. М. Критского по данной теме не выдерживает никакой критики, что было убедительно продемонстрировано в монографии Ю. Н. Емельянова [1998].

Заключение диссертации является попыткой футурологического прогноза о том, с кем был бы историк после Октябрьской революции [см.: Критский, 1971, 18—19]. Исследование Ю. М. Критского представляет единственную попытку комплексного изучения исторических взглядов В. И. Семевского. Оно так и осталось по неизвестным нам причинам в определенном смысле экзотерическим изысканием, мало знакомым российским историкам. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на значительную источниковую базу, использованную исследователем, многие положения работы к настоящему времени утратили свою научную значимость.

Период 70-е — первая половина 80-х гг. XX в. оказался достаточно плодотворным в плане частоты цитируемости произведений В. И. Семевского. В конце 70-х гг. в курсе лекций А. М. Сахарова проблема развития народнической историографии получает дальнейшее развитие. В основе характеристики народнической методологии истории лежат положения, зафиксированные в таких работах В. И. Ленина, как «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России». Сущность ее заключается в том, что «объективно народники выражали мелкобуржуазную романтическую трактовку истории, что привело к искажению исторического процесса в их трудах» [см.: Сахаров, 1978, 206; также об этом см.: Цамутали, 1977, 207—209].

Эта характеристика в значительной мере экстраполирована А. М. Сахаровым и на научное наследие В. И. Семевского. «Проблематика работ историка народнического направления — история крестьянства (история рабочих на золотых приисках есть, в сущности, у Семевского история крепостной рабочей силы), история освободительного движения, воплощаемая в истории идей» [Сахаров, 1978, 206]. Работы В. И. Семевского, «проникнутые горячим сочувствием к положению крестьян, объективно рисующие их жизнь и быт, отличаются поверхностным объясне-

нием изображаемого им». Автор скептически настроен и в объяснении В. И. Семевским различий в положении крестьян их правовым статусом и «степенью крепости общинных порядков». И, наконец, с чем категорически не согласен историк, так это с тем, что «вопрос о положении народных масс оказывается связанным не с социально-экономическим строем, а со степенью просвещенности помещиков и государственных деятелей, зависит от развития освободительной идеи». Работа В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века», по мнению исследователя, дает прекрасный «материал для анализа кризиса внутренней политики самодержавия в первой половине XIX в.», но этого анализа он не производит, наблюдая лишь за развитием самой идеи освобождения [Сахаров, 1978, 206—207].

На основании этого А. М. Сахаров делает вполне закономерный вывод о том, что «связь освободительных идей с крестьянским движением, как и вообще социально-экономическая основа политических и идеологических явлений осталась у Семевского непознанной вследствие его народнических убеждений» [Там же, 207]. Несмотря на то, что в рамках лекционного курса невозможна развернутая характеристика, А. М. Сахарову удалось фактически в конспективной форме охарактеризовать особенности народнической методологии исторического исследования. Приращение же фактора идеологического в эпоху господства исторического материализма, безусловно, отражалось негативно на степени объективизации оценки исторических построений народников в целом и творчества В. И. Семевского в частности.

В это же время предметами историографического анализа в советской исторической науке становятся политические и общественные идеи декабристов и отчасти история рабочих на сибирских золотых приисках в трудах В. И. Семевского [см., например: Мирзоев, 1970, 282—295; Невелев, 1975, 232—257]. В монографии В. Г. Мирзоева «Историография Сибири» (1970) были представлены фактографические данные, касающиеся посещения В. И. Семевским Восточной Сибири и его работы в местных архивах. При этом было справедливо отмечено, что накопление широкого круга исторических источников было для него «не только средством выяснения исторических обстоятельств, истины, но скорее всего самоцелью, ибо дальше добывания сведений он не шел преднамеренно» [Мирзоев, 1970, 289]. Историк видит три причины подобного рода подхода В. И. Семевского к изучению истории рабочих на сибирских золотых промыслах: новизна тематики, соображения цензурного характера и желание не наносить какого-либо вреда авторитету правительства, а помочь ему в выработке законопроектов, улучшающих положение трудящихся.

В. Г. Мирзоев отмечает в монографии В. И. Семевского два основных препятствия в развитии золотопромышленности: это стеснение свободы промышленной деятельности в России и несвободный труд поселенцев, ссыльнокааторжных и горно-заводских крестьян. Введение же машинного производства вызвало только удлинение рабочего дня, понижение зарплаты и общее ухудшение условий повседневной жизни. Именно поэтому основной темой В. И. Семевского было положение

ние рабочих, их производственный и домашний быт [см.: Мирзоев, 1970, 290—291]. Каковы же пути улучшения бытовых условий существования рабочих и их духовного состояния? У В. И. Семевского это в первую очередь необходимость совершенствования рабочего законодательства, считает В. Г. Мирзоев. И буквально здесь же отмечает противоречивость огромного количества собранных В. И. Семевским фактических данных о нарушениях даже этого куцега законодательства [см.: Там же, 292]. Но явных противоречий здесь и не прослеживается, так как нарушение законов не есть повод для отказа от совершенствования правовой системы.

В программе В. И. Семевского, как считает известный сибирский историограф, наиболее ярко проявлялся либерализм народнического толка. Народнические взгляды проявляются у В. И. Семевского и в попытке противопоставления крупным монополистам артелей старателей, которые со временем должны стать хозяевами на золотых промыслах при активном участии в решении этой задачи горной администрации. По мнению В. Г. Мирзоева, именно это положение есть проявление утопичности построений В. И. Семевского [см.: Там же, 292—293].

Но оценка В. Г. Мирзоевым научного наследия исследователя не исчерпывается «Рабочими на сибирских золотых приисках». Она переходит в характеристику пребывания М. В. Буташевича-Петрашевского в Сибири, данную В. И. Семевским в одной из последних своих обстоятельных работ, хотя видение М. В. Петрашевского как негибасемого революционера сегодня представляется весьма далеким от реальной действительности. В чем же он абсолютно прав, так это в констатации утилитарного подхода В. И. Семевского к использованию уроков истории [см.: Там же, 293—294], хотя и не сказав ни слова о том, какую роль сыграли в формировании подобного взгляда властители дум 60-х — начала 70-х гг. XIX в. Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев.

По мнению В. Г. Мирзоева, «для Семевского, как и для Щапова, история была результатом действий не правителей и чиновников, а народа, рабочих и крестьян» [Там же]. Однако в этом случае к историку вполне правомерно может возникнуть один непритязательный вопрос. Если история у В. И. Семевского — это результат деяний народа, то почему ему же предъявляются претензии в преувеличении роли законодательства и правительственных структур в деле улучшения положения рабочих на сибирских золотых промыслах? Нельзя столь категорично определять собранные В. И. Семевским факты как «обвинительный акт против самодержавия».

В. И. Семевский является для В. Г. Мирзоева именно тем исследователем, для которого история — это «вереница статических, неподвижных картин, ограниченных местом и временем». Но в то же время, это и историк, хорошо знакомый с современной ему философской и общественной мыслью [см.: Там же, 294].

В середине 1970-х гг. в советской историографии впервые на уровне научной статьи Г. А. Невелевым была продемонстрирована попытка проследить эволюцию взглядов В. И. Семевского о декабристах и дать обобщающую характеристику историка в области декабристоведаения [см.: Невелев, 1975, 232—257]. Ученый выделяет несколько этапов в развитии исследовательской концепции автора «По-

литических и общественных идей декабристов»: первый этап в изучении В. И. Семевским истории декабристов связан с работой над «Крестьянским вопросом в XVIII и первой половине XIX века», когда из всех аспектов истории декабристов в труде был обстоятельно рассмотрен только один — их отношение к вопросу об отмене крепостного права. Он являлся для В. И. Семевского главным «социальным вопросом русского общества», а «движение декабристов под пером Семевского превращалось в одно из направлений в решении крестьянского вопроса в первой четверти XIX в.». Но такой взгляд существенно искажал объективные цели и историческое значение декабризма. Недостатком такого рода подхода Г. А. Невелев считал то, что идея освобождения крестьян представлялась у В. И. Семевского в виде единого потока [см. об этом: Невелев, 1975, 239, 241].

Главное же состояло в том, что об исследовательской концепции движения декабристов в «Крестьянском вопросе в России в XVIII и первой половине XIX века» говорить еще рано. С точки зрения Г. А. Невелева, на формирование научной методологии исследователя оказал большое влияние субъективно-социологический метод, нашедший цельное выражение в трудах основателя субъективной социологии Н. К. Михайловского. В то же время Г. А. Невелев делает небольшую, но достаточно существенную оговорку. Дело в том, что «борьбу за индивидуальность», по Н. К. Михайловскому, «он [Семевский] понял не как борьбу общественных сил, а как теорию о филиации и саморазвитии общественных идей», и поставил в центре своего изучения идейный момент [см. Там же, 242—243].

Второй этап в изучении истории декабризма начинается со времени опубликования в 1897 г. статьи В. И. Семевского «Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века», в которой он сводит всю историю общественной мысли к взаимоотношениям между представителями различных течений по вопросам об ограничении крепостного права и реформам в области государственного устройства [см.: Там же, 244—245].

И, наконец, третий этап можно отмерять с момента получения В. И. Семевским в 1903 г. доступа в секретные фонды Государственного архива по делам декабристов. С этого времени ученый фактически отказался от противопоставления социального — политическому, «искусственно изолировал историю декабристов от общественного движения начала XIX в.» и «принципиально изменил свое отношение к Н. И. Тургеневу и П. И. Пестелю» [Там же, 247]. Но в то же время многие позиции концепции В. И. Семевского, по мнению Г. А. Невелева, остались неизменными, и это утверждение относится прежде всего к подчеркиванию В. И. Семевским преемственной связи между всеми общественными течениями и правительством.

Венцом же научно-исследовательской деятельности В. И. Семевского в изучении истории декабризма стала его монография «Политические и общественные идеи декабристов» (1909), которая считается «самым полным в дореволюционной историографии собранием данных о развитии декабристской идеологии» [Там же, 249]. И с этим утверждением Г. А. Невелева можно полностью согласиться. Одновременно нельзя пройти мимо одного достаточно противоре-

чивого суждения этого исследователя. В его статье речь идет, в частности, о демократическом характере воззрений В. И. Семевского на историю декабризма, влиянии взглядов А. И. Герцена и принципиальном отличии концепции историка от либерально-буржуазной историографии. Но одновременно делается вывод о том, что труд Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» «завершил период восходящего развития буржуазного декабристоведения в начале XX в.» [Невелев, 1975, 255—257].

В 80-е гг. XX в. советские исследователи эпизодически обращаются к изучению исторического наследия В. И. Семевского. Из наиболее заметных работ этого периода необходимо отметить исследования вопроса о шевченковских традициях в русской демократической историографии, предпринятого ленинградским историком Ю. Д. Марголисом [1983, 196—209; 1984, 163—183]. Вместе с тем советские историки обращают внимание и на изучение отдельных моментов (в частности, на конфликт В. И. Семевского с К. Н. Бестужевым-Рюминым) биографии В. И. Семевского [см.: Свиденко, 1988, 137—140; Киреева, 1988, 218—224].

И если в статье В. Г. Свиденко речь идет о чисто мировоззренческой основе противоречий учителя, придерживающегося охранительной позиции, и ученика, разделявшего прогрессивные для того времени взгляды [см.: Свиденко, 1988, 137—140], то в монографии Р. А. Киреевой, опубликованной в период поздней перестройки, оценки носят уже далеко не столь полярный характер. Скорее это признание той непростой ситуации, в которой оказались ученик и учитель после событий 1 марта 1881 г.: К. Н. Бестужев-Рюмин и другие члены совета историко-филологического факультета проявили себя не лучшим образом в ситуации с предполагаемой защитой магистерской диссертации В. И. Семевского. Одни не явились на совет, другие промолчали, третьи проголосовали против, и в результате защита В. И. Семевского в Петербургском университете была отклонена [см.: Киреева, 1988, 218—224]. 80-е гг. XX в., особенно их вторая половина, — самый неплодотворный период в изучении общественно-политической и научно-исследовательской деятельности В. И. Семевского. Начавшаяся в СССР перестройка сконцентрировала внимание общества и историков на совершенно других, более актуальных вопросах истории XX в. Это был некий межумочный период в развитии отечественной исторической науки, когда советские ученые уже фактически исчерпали все богатство марксистской методологии, но еще не были в состоянии по разным причинам выработать иные методы, приемы и принципы исторических исследований.

В изучении творчества выдающегося историка-народника В. И. Семевского советская историческая наука прошла несколько этапов, которые в целом будут совпадать с общей периодизацией развития отечественной историографии в XX в. Освоение научного наследия историка в советский период развития отечественной историографии шло достаточно неравномерно. В 1920-е — начале 1930-х гг. мы сталкиваемся с активными, но, безусловно, политизированными попытками изучения исторических воззрений ученого в рамках исключительно критической ретроспективы. В дальнейшем же, на протяжении второй половины 1930-х — первой половины

1950-х гг., наступает длительная пауза в деле исследования научного творчества В. И. Семевского. Единственным исключением на фоне этого затишья является труд Н. Л. Рубинштейна [1941]. Общее оживление в деле изучения исторических взглядов В. И. Семевского начинается в середине 1950-х и продолжается до конца 1970-х гг. Именно этот период был наиболее продуктивным в научном отношении. Но и в это время, за редким исключением (Ю. М. Критский), изучение жизненного пути и научного наследия В. И. Семевского имеет фрагментарный характер. До настоящего времени так и не удалось осуществить монографического исследования кипучей общественно-политической и научной деятельности В. И. Семевского. До сих пор существует насущная необходимость переосмысления работ советских историков, внесших весомый вклад в изучение творчества В. И. Семевского.

Кроме того, работы В. И. Семевского по истории крестьян, крестьянского вопроса или общественной мысли России первой половины XIX в. обладают весьма высоким коэффициентом цитируемости. Практически ни одна работа советских да и современных исследователей по вышеуказанной тематике не избежала ссылок на труды В. И. Семевского. Это ли не признание заслуг выдающегося представителя народнической историографии?

Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1965.

Волков С. И. В. И. Семевский (к научной биографии) // История СССР. 1959а. № 5. С. 113—122.

Волков С. И. Фонд В. И. Семевского: (Из фондов архива Академии наук СССР) // Археограф. ежегодник за 1958 год. М., 1959б. С. 251—256.

Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от 40-х к 90-м гг. XIX в. М., 1997.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971.

Кизеветтер А. А. В. И. Семевский в его ученых трудах // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 199—222.

Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и русская историческая наука. М., 1988.

Ключевский В. О. Отзыв об исследовании В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» // Ключевский В. О. Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. С. 271—276.

Корнилов А. А. Василий Иванович Семевский и его исторические труды // Вести. Европы. 1916. № 11. С. 282—301.

Корнилов А. А. Значение трудов В. И. Семевского в русской историографии // Жури. Мин-ва нар. просвещения. 1917. № 2. С. 45—88.

Критский Ю. М. В. И. Семевский и Петербургский университет // Вести. Ленинград. гос. ун-та. Сер. История-язык-литература, 1969. № 2. С. 165—168.

Критский Ю. М. В. И. Семевский и цензура // История СССР. 1970. № 3. С. 103—107.

Критский Ю. М. Исторические взгляды В. И. Семевского (1848—1916): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1971.

Критский Ю. М. Эпистолярное наследие В. И. Семевского в архивах Москвы и Ленинграда // Археограф. ежегодник за 1970 год. М., 1972. С. 300—306.

Марголис Ю. Д. К вопросу о шевченковских традициях в русской демократической историографии феодализма (Т. Г. Шевченко и В. И. Семевский) // Пробл. отеч. и всеобщ. истории. Вып. 7. Л., 1983. С. 196—209.

- Марголис Ю. Д.* Т. Г. Шевченко и русские историки-демократы. Л., 1984.
- Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (домарксистский период). Новосибирск, 1970.
- Невелев Г. А.* История декабристов в трудах В. И. Семевского // История и историки. М., 1975. С. 232—257.
- Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955а.
- Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1—2. М., 1955б.
- Парадизов П.* Очерки по историографии декабристов. М.; Л., 1928.
- Пионтковский С.* Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 93—94.
- Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л., 1933.
- Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.
- Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957.
- Сахаров А. М.* Историография истории СССР: досоветский период. М., 1978.
- Сватиков С. Г.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 48—50.
- Сватиков С. Г.* Увольнение В. И. Семевского и петербургское студенчество // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 233—235.
- Свиденко В. С.* Конфликт между В. И. Семевским и К. Н. Бестужевым-Рюминым // Вопр. истории. 1988. № 8. С. 137—140.
- Семевский В. И.* Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века // Ист. обозрение. 1897. Т. 9. С. 244—290.
- Семевский В. И.* Не пора ли написать историю крестьян в России? // Рус. мысль. 1881. № 2.
- Станиславская А. М.* Народническая историография // Очерки истории ист. науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 207—217.
- Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977.
- Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962.